«La Guzla», poesies illyriques. Иоганн Вольфганг Гёте

Paris, 1827[1]

Явление, на первый взгляд поражающее, при ближайшем же рассмотрении проблематичное.

Лишь с недавних пор принялись французы с живым интересом и благорасположением следить за поэзией чужестранцев и признали за другими народами известные права в области эстетического. Со столь же недавнего времени они охотно пользуются в своих произведениях и чужеземными формами.

Самое новое и удивительное, пожалуй, это то, что они теперь все чаще выступают под маской других наций и, позволяя себе остроумную шутку, вводят нас в приятный обман подложными произведениями, так что мы сперва принимаем загадочную вещь за чужеземный подлинник и находим ее занимательной и достойной удивления, а затем, после ее разоблачения, повторно и уже по-новому любуемся искусным талантом, проявившим склонность к столь серьезным шуткам, ибо невозможно выразить лучше свое проникновение в склад поэзии и образ мыслей другого народа, как приблизившись к ним путем подражания и переводов.

Мы обратили внимание на то, что в слове «Guzla» скрывается имя Gazul, и нам вспомнилась замаскированная испанская цыганка с театральных подмостков, которая недавно так мило над нами посмеялась. И что же — предпринятые нами расследования оказались небезуспешными. Стихотворения эти были якобы подслушаны у далматских племен и частично будто бы сочинены неким Гиацинтом Магдановичем.

В искусстве всегда допускался этот невинный обман, состоящий в том, что, когда какая-нибудь вещь имела большой успех, являлось желание пробудить интерес или вызвать одобрение, выпустив ее продолжение, вторую часть или другое какое-нибудь ее дополнение и тем самым поднять обманутую публику на более высокий уровень понимания.

Какой любитель, изучающий древние монеты, не станет с радостью собирать работы Кавини, чтобы на доведенных до полного сходства подделках обострить свое чутье к оригиналам.

Пусть господин Мериме поэтому на нас не сердится, если мы здесь объявим его автором «Театра Клары Газуль» и сборника «Guzla» и тут же попросим еще не раз позабавить нас такими подкидышами, если только это будет ему угодно.

Автор принадлежит к тем молодым французским индепендентам, которые ищут собственных путей; путь же его можно причислить к самым приятным, потому что он ничего не хочет утверждать, а только хочет упражнять и развивать свой прекрасный, яркий талант, направляя его на различные предметы и настраивая на всевозможные лады.

По поводу «Guzla» мы, однако, не можем удержаться от одного замечания: поэт не хочет соперничать со своим прообразом в стиле веселом и героическом. Вместо того чтобы с подлинной поэтической силой изображать их грубую, порой жестокую, даже страшную жизнь, он, как истинный романтик, вызывает из тьмы образы жутких привидений. Уже изображаемая им местность действует устрашающе: церкви в ночную пору, кладбища, перекрестки дорог, хижины отшельников, скалы и ущелия заставляют слушателя боязливо настораживаться; и вот уже появляются покойники, грозя и устрашая, жуткие призраки в образе людей или ночных огоньков, манящих и мигающих; отвратительный вампиризм со всей его свитой, зловредное действие дурного глаза, порою даже глаза со страшным двойным зрачком, — словом, самые отвратительные вещи. Но при всем этом мы должны отдать справедливость автору и признать, что он не пожалел труда, чтобы освоиться с этим кругом представлений, и отнесся к своей работе добросовестно и обдуманно, стремясь полностью исчерпать избранные им мотивы.

1828

Комментарии

Напечатано в журнале «Об искусстве и древности» в 1828 году. «Гузла (гусли), собрание иллирийских стихотворений из Далмации, Боснии, Кроации и Герцеговины» (Париж, 1827) — литературная мистификация Проспера Мериме (1803–1870), выдавшего свои подражания западнославянским народным песням за перевод подлинных произведений народного творчества. Гете, хорошо знакомый с сербской поэзией, о которой он написал ряд статей, разгадал мистификацию французского писателя.

А. Аникст

Примечания

1«Гузла, или Иллирийские стихотворения», Париж, 1827 (франц.).